

ДРУГАЯ КРУГОВАЯ БЕСѢДА.

Наохотясь досыта или, по крайней мѣрѣ, до сумерекъ и усталости, кадниковцы наши заѣхали на ночь къ знакомому крестьянину, заняли клуню, гдѣ было свободнѣе и привольнѣе, чѣмъ въ избѣ, развели огонекъ, подъ страхомъ своей отвѣтственности, разсѣлись вокругъ, съ большимъ нетерпѣніемъ, ожидая дальнѣйшаго распорядка полеваго атамана. Такъ какъ днемъ ничего не варилось, а всѣ были съ утра въ работѣ и довольствовались, какъ онъ выражался, сухомяткой, то приставлено было два блюда: кашица, для положенія основанія, и опять—таки пельмени, на закрѣпу. Между тѣмъ, какъ вчерашній вечеръ, проведенный въ круговой бесѣдѣ, всѣмъ полюбился, то и было опять предложено каждому разсказать по были или небылицѣ.

— Чуръ меня на хвость, закричаль атаманъ, а то вы меня опять врасплохъ захватите!

— Жиль-быль молодой парень — началъ первый чередной — жиль зажиточный купецъ, который давно уже любилъ дѣвшку, небогатую, но умную, смиренную и красавицу, да при жизни отца своего никакъ не смѣль на ней жениться, почему и оставался холостымъ до своей воли, а отдавъ отцу послѣдній долгъ и почетъ, вскорѣ обвѣнчался съ нею и жиль такъ, что и радостно и завидно было смотрѣть на чету эту со стороны. Вотъ Богъ услышалъ молитву ихъ и благословилъ честное житье ихъ, и приходить время, что ожидать имъ скоро первого ребенка. И радостно стало и страшно. Много они говорили объ этомъ промежь собой, утѣшая другъ друга, а наконецъ, когда ужъ стала подходить пора, молодая жена, обнявъ мужа своего, сказала:

— Дасть Богъ — все кончится благополучно. Отъ слова не сбудется; но еслибъ пришлось мнѣ умереть, не сѣтуй,

другъ мой, и на это: мы съ тобой свидимся; а о сынѣ нашемъ — потому что я тебѣ рожу сына — не заботься: я его не покину, ужь я Бога обѣ этомъ умолила.

Больше не сказала она ничего, а мужъ, заплакавъ отъ такихъ рѣчей, не сталъ болѣе распрашивать, а старался только утѣшить ее и ободрить.

На бѣду мужа, однако, молодая, добрая и пригожая хозяйка его, видно, сказала все это не спроста, а знала больше его: все сбылось: сыночка она ему подарила, а сама не перемоглась — позвала мужа, простились съ нимъ, еще разъ просила не забыть, что она ему говорила, и преставилась. Нечего и говорить вамъ о томъ, какъ гореваль бѣдный вдовецъ и тужилъ, не смогши послушаться покойницы, которая наказывала ему не плакать по ней и не скучать. Но надо было тотчасъ же позаботиться о сироткѣ, и отецъ, приказавъ отыскать хорошую, надежную кормилицу, не пожалѣль ничего, чтобы устроить дѣло это какъ можно лучше. И точно, нашли кормилицу молодую, хорошую, бабенку

здоровую и къ тому еще добрую и заботливую, такъ что, казалось, и желать больше нечего; а между тѣмъ, дѣло все какъ-то не ладилось: ребенокъ не хотѣлъ брать груди у кормилицы и кричалъ цѣлый день, ночью же лежалъ спокойно и даже никогда не вскрикивалъ, хоть и просыпался.

Никто не могъ понять, что бы это значило, и сама кормилица больше всѣхъ убивалась по приемышѣ своемъ, котораго любила, какъ свое родное дитя. Вотъ она и стала примѣчать за нимъ, не спать по ночамъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ей разъ показалось, будто люлька скрипѣла ночью и качалась; и точно, на слѣдующую ночь убѣдилась она, что не ошиблась: что-то прошло по комнатѣ тише тѣни, подошло къ колыбели, и кормилица услышала, на этотъ разъ ясно, что ребенокъ сосеть. Она испугалась и не знала, что дѣлать, но пролежала смирно, едва дыша, и видѣла опять, какъ впотьмахъ мелькнуло что-то по комнатѣ, противъ окна, а затѣмъ дверь скрипнула и опять тихо притворилась.

Послѣ этого малютка спаль спокойно до утра.

Кормилица пришла на утро, испуганная, къ хозяину и рассказала ему въ страхѣ, что покойница—мать ходить по ночамъ кормить ребенка, и вотъ почему онъ днемъ не береть чужой груди и кричить, а по ночамъ покойно спить. Хозяинъ долго не вѣрилъ этому, но наконецъ рѣшился лечь на ночь неподалеку ребенка и стеречь, что будетъ. Онъ видѣлъ и слышалъ почти то же, что кормилица, но по темнотѣ ночи не могъ распознать, кто или что ходить. Поутру молодой вдовецъ сталъ крѣпко задумываться, не зная, что дѣлать; его обдавало суевѣрнымъ страхомъ. Подумавъ, пошелъ онъ посовѣтоваться съ хорошими товарищами, молодыми людьми, съ которыми былъ друженъ еще до женитьбы. Они потолковали и, не вѣря такому диву, положили притти на ночевую къ своему пріятелю, чтобы во всемъ самимъ убѣдиться. Легли, не засыпая, и стали стеречь: около полуночи дверь тихо отшатнулась, что—то, медленно и едва

касаясь пола, пронеслось по комнатѣ, и вскорѣ младенецъ началъ чмокать и сосать. Одинъ изъ посѣтителей, немного погодя, всталъ, пошелъ въ другую комнату, засвѣтилъ свѣчу и вошелъ съ нею; но онъ не увидалъ ничего, кромѣ того, что беспокойный, будто испуганный, ребенокъ метался головкой во всѣ стороны, какъ будто чего–то не доискивался, а потомъ стала плакать.

Потолковавъ обѣ этомъ на другой день, пріятели хозяина стали, однакожь, утверждать, что никто изъ нихъ ничего положительнаго не видаль, и потому надо повторить опять; а одинъ изъ нихъ прибавилъ, что онъ, помнится, слышалъ когда–то отъ старииковъ, какъ въ подобномъ случаѣ надо поступить: надо поставить свѣчу подъ новый горшокъ и, какъ только что нибудь явится, вдругъ поднять горшокъ и освѣтить комнату: тогда привидѣніе не успѣть скрыться, и его можно увидѣть.

Сдѣлали все, какъ положили, и улеглись. Около полуночи слышать опять то же: и дверь отозвалась, и походка чья—

то, легкая и едва только слышная, казалось, и младенецъ зачмокаль. Тогда одинъ изъ гостильщиковъ сняль горшокъ: всѣ вдругъ увидѣли покойную, молодую жену хозяина, которая, въ саванѣ своеемъ, стояла на колѣняхъ подлѣ зыбки младенца и кормила его мертвюю грудью... Медленно встала она, взглянула тусклыми глазами на смертельно перепуганного мужа, пошла тихими шагами къ двери, еще разъ оглянулась и скрылась. Всѣ вскочили и пошли вслѣдъ за нею, прослѣдили ее изъ дома по улицѣ, и другой, и третьей и наконецъ, остановясь неподалеку кладбища, видѣли, какъ она, перекрестясь на всѣ четыре стороны, опустилась въ могилу, а надъ мѣстомъ этимъ какъ будто въ облакахъ заиграло легкое зарево. Всѣ въ страхѣ воротились домой, не зная, что сказать и что подумать.

Младенецъ послѣ этого вовсе отказался отъ груди кормилицы, кричаль день и ночь, и какъ мать его болѣе не являлась, то бѣдняжка, несмотря ни на какія старанія и заботы несчастнаго отца, хилѣль, слабѣль и

вскорѣ умеръ. Его похоронили въ одномъ мѣстѣ съ матерью, которой гробъ, при этомъ случаѣ, нашли въ цѣлости, съ забитой крышкой, какъ онъ былъ поставленъ. Купецъ сталъ со дня на день скучать, молчалъ, задумывался, бросиль всѣ дѣла свои и наконецъ лишился ума; а всѣ свидѣтели этого происшествія съ испугу сдѣлались заиками.

— И я вамъ разскажу коротенькое народное преданіе, началь второй на очереди: — но только въ другомъ родѣ: не о мертвцахъ то есть, но и не о живыхъ.

Волга и сестра ея Вазуза, вытекая и та и другая маленькими рѣчушками, одна въ Тверской, другая въ сосѣдней съ нею, Смоленской губерніи, заспорили, кто изъ нихъ будетъ больше, сильнѣе и старше. Не переспоривъ другъ друга ничѣмъ, потому что онѣ въ пеленкахъ были обѣ равны, рѣшились пуститься бѣжать навыпередки: ляжемъ вмѣстѣ спать, да кто раньше встанетъ и прежде добѣжитъ до моря до Хвалынского, тому и почетъ. Легли; но Вазуза почти не смыкала глазъ, поднялась

еще ночью, выбрала себѣ прямую дорогу и
шибко потекла. Волга проснулась на зорѣ,
умылась, одѣлась, Богу помолилась и
пошла, ни быстро, ни тихо, средней
побѣжкой; но, узнавъ обѣ измѣнѣ Вазузы,
она пустилась ей въ переймы, догнала ее въ
Зубцовѣ и тутъ отрѣзала ей дорогу; тутъ
Волга такъ грозно напустилась за измѣну
эту на Вазузу, что эта больно испугалась,
присмирѣла и назвалась меньшою сестрою;
а какъ Волга перерѣзала ей путь и
самохвалкѣ Вазузѣ по сыртамъ и горамъ
бѣжать было несподручно, слабость же
свою она познала, то и покорилась и стала
просить старшую сестру взять ее съ собою,
не попомнивъ лиха, да снести на море.
Волга приняла ее, и съ тѣхъ поръ живутъ и
плывутъ онѣ мирно. Вазуза, однако же, по
старой привычкѣ, просыпается всегда
весной раньше Волги, бѣжитъ къ ней,
будить ее, и онѣ вмѣстѣ уносятся на
глубокое, синее море. Надо замѣтить, что
Вазуза, по быстротѣ склона русла и по
множеству родниковъ, точно, всегда
вскрывается раньше Волги.

Третьяго понукнули, толкнувъ подъ бокъ, и онъ началъ такъ:

— Быль у одного мужика котъ, который въ молодости мышай ловилъ, а подъ старость залѣнился, аль у него ужъ поясница заболѣла, только сталъ онъ плохъ въ домѣ и по хозяйству ни къ чему не годень; а какъ его кормить не кормили, то онъ и сталъ промышлять самъ — только не мышами, какъ бывало прежде, а молочкомъ, сметанкой, маслицемъ и творожкомъ, который, видно, больно ему по зубамъ пришелся. Вотъ, хозяйка и напустилась на мужика, чего-де онъ смотрить, на что держить въ домѣ кота, который вовсе избаловался, въ годъ со днемъ ни одной мышкѣ даже и хвоста не отгрызъ, а день за день бѣдокурить. Первое, сказала она, что надъ нами, я слышала, и мыши смѣются, а другое, намъ и отъ кота самого житья нѣть, — не устережешься!

— Ну, такъ что жь ты на меня напустилась? управилась бы сама, какъ знаешь. Что, онъ сынъ мнѣ, что ли?

Хозяйка отвѣчала, что это не женское дѣло, а мужику—де слѣдуетъ отвезти кота въ лѣсь, какъ поѣдетъ по дрова, и тамъ его покинуть. Такъ мужикъ нашъ и сдѣлалъ: онъ поѣхалъ по дрова, взяль съ собою кота въ мѣшокъ, навалилъ хворосту и, кончивъ дѣло, развязалъ мѣшокъ и закинулъ бѣднаго кота въ овражекъ, а самъ поѣхалъ. «Вотъ — подумалъ котъ — кабы я былъ собакой, хоть она и врагъ мой, то побѣжалъ бы теперь за возомъ; а съ моей натурой дѣлать этого не приходится. Видно, оставаться тутъ и пропадать!»

— Здравствуй, Котафей Иванычъ! сказала Лиса Патрикѣвна, увидавъ этого гостя.

— Здравствуй, коли хочешь, сказалъ котъ, отворотивъ рыло, потому что былъ сердить на мужика.

— Какъ ты попаль къ намъ сюда и зачѣмъ пожаловалъ?

Котафей Иванычъ рассказалъ все:

— Бывало, поѣмъ, да и на бокъ, сказалъ онъ: — оттого я гладокъ; а теперь, какъ вотъ состарѣлся и никуда не гожусь, такъ

за дурное поведеніе сосланъ сюда. Вотъ и пришлось пропадать.

«Погоди — подумала лиса — нельзя ли будетъ изъ этого случая получить какую прибыль: Котафей Иванычъ такой звѣрь, что здѣсь въ лѣсу никто его не видаль и не знаетъ, можно будеть попугать имъ народъ.»

— Вотъ что, другъ мой Котафей Иванычъ, сказала лиса: — мнѣ тебя жаль, я помогу тебѣ; пойдемъ, поживи у меня — большихъ затѣй нѣть, мы люди небольшіе, а чѣмъ Богъ послалъ, коли не прогнѣваешься!

— Спасибо на добромъ словѣ, отвѣчалъ Котафей: — пойдемъ.

И лиса отвела его въ нору, раскопавъ ее пошире, раструбомъ, чтобы пострашнѣе казалось, а коту велѣла залечь тамъ и отдохнуть, сама же побѣжала собирать сходку.

Сошлисъ всѣ звѣри, и малый и великій, и слушаютъ, что будеть говорить лиса; а она, поздоровавшись честно и пожелавъ міру всякаго добра, сказала:

— Слышали ль вы, други, что въ нашей волости дѣется? Къ намъ присланъ новый бурмистръ, да такой страшный, какого мы еще и не видали: вотъ пойдутъ тяжкія времена! Прозывается онъ Котафей Иванычъ; рыло у него съ усами, языкъ игляной, очи что свѣчи, когти что грабли, хвостъ змѣиный, шерстка мягкая, да думка злая! спить, такъ храпить, по человѣчи, а не спить, такъ я одно только слово и слышала отъ него: все кричить: мало, мало, мало — хоть какой приносъ не принеси! Такъ вотъ что, міряне, онъ уже выбилъ меня изъ дома! Полюбилась ему моя бѣдная землянка. Что жь! Богъ съ нимъ, я бы обѣ этомъ не тужила — обидѣль, такъ мнѣ съ нимъ не тягаться. Я бы съ чадами и домочадцами своими ушла куда нибудь, подъ пень, подъ колоду, такъ не пускаеть, велить кормить себя. Вотъ оно мнѣ одной и не подъ силу. И сама я и челядь мелкая моя почитай не ъвши сидимъ, а бурмистръ нашъ все съѣль одинъ, что я запасла и заполевала. Вотъ онъ и приказалъ мнѣ собрать сходку да повѣстить всѣмъ знать и

помнить и бояться новаго бурмистра, Котафея Иваныча; приказалъ онъ міру сдѣлать раскладку, чтобы день за день скромный столь быль. Вотъ, міряне, больше мнѣ говорить нечего, сами знаете что дѣлать: вы умнѣе меня; а сердить, и болыно сердить новый нашъ бурмистръ.

Зашумѣлъ міръ и пошелъ ходить ходенемъ, какъ волна морская. «Что дальше, то не легче,» ворчаль, почесываясь, мишка; однако, никто не отказался ни отъ чего, что міръ на кого положить, и разошлись всѣ, помня каждый, что и когда надо ему нести къ лисьему двору; а на первый разъ порядили такъ, чтобы итти завтра всѣмъ на поклонъ къ Котафею Иванычу и всѣмъ принести ему по гостинцу. Вотъ пришли, разложили все съ великимъ страхомъ: волкъ четверть телятины принесъ, медвѣдь пива—меду наварилъ, хорекъ ошипалъ и очистилъ утку, а харчиха его принесла пару яицъ, — словомъ, всякъ что могъ, — и стоять кругомъ, ждутъ, итти не смѣютъ.

Выглянула изъ норы лиса, поздоровалась шопотомъ со всѣми.

— Почиваетъ еще бурмистръ нашъ, сказала она: — а будить его я не смѣю: больно сердитъ. Не поскучайте, люди добрые, подождите.

— Послушай, кума.... началь было медвѣдь.

Но лиса высунувъ опять голову, сказала:

— Нѣтъ, Михайло Потапычъ, извини: я теперь ужъ не кума, я бурмистерша. Котафей Иванычъ присланъ быль къ намъ на управу холостымъ, а я также, сами вы знаете, перебивалась какъ могла сирою вдовицей. Вотъ онъ нынѣ и смиловался надо мной и почтилъ вѣрную службу мою — взялъ меня въ хозяйки; а по отчеству, коли знать не побрезгаете, зовутъ меня Патрикѣевной.

Всѣ звѣри переглянулись, пожали плечами да и замолчали, а Миша понурилъ голову, стала повертывать туда и сюда лапу свою и разматривать когти. Немного погодя, лисанька вышла и стала подзывать

стариковъ, чтобы подходили на поклонъ къ бурмистру, кланялись ему ниже и звали на угощеніе. Всѣ звѣри боятся, ни одинъ не трогается съ мѣста, — только поглядывая другъ на друга, говорять:

— Иди ты напередъ, иди ты!

Наконецъ присудили итти кабану, самому старому, который уже почти мохомъ обросъ; но какъ только онъ подступилъ и захрюкаль, хоть и самымъ почтительнымъ образомъ, то бурмистерша торопливо закричала на него и прогнала, сказавъ что этотъ человѣкъ никакой обходительности и хорошихъ обычаевъ не знаетъ. Стали вызывать Мишку. Мишукъ пошелъ да какъ увидѣлъ въ темной норѣ пару глазъ, какъ огонь, которые освѣщали круглую, страшную морду съ усами, то насили устояль на ногахъ, промычаль что-то, оробѣль, поклонился и отошелъ.

— Прочь, закричала лиса: — Самъ идеть, Самъ идеть!

И всѣ звѣри отошли и попрятались, кто на деревьяхъ, кто за кустами и пнями. Котафей Иванычъ вышелъ чинно, и, между

тѣмъ, какъ Лиса Патрикѣевна уговаривала его на ушко поднять хвостъ какъ можно повыше и писать имъ по воздуху разводы, онъ подошелъ къ приготовленному для него столу и началъ было кушать. Тутъ онъ, по старой привычкѣ своей, заурчалъ:

— Мало, мало, мало.

И въ тоже время, покосившись на сторону, гдѣ Мишка зашелестилъ листьями, выглядывая изъ-за куста на диковиннаго бурмистра, — подумалъ, что это мышь, а потому не утерпѣлъ и бросился туда въ одинъ прыжокъ: всѣ звѣри со страху попадали, никто на ногахъ не устояль, — думали, что пришелъ послѣдній часъ ихъ; вскочивъ, пустились они бѣжать всѣ безъ оглядки и очистили весь лѣсъ, гдѣ поселилась лиса со своимъ бурмистромъ; ей сдѣлалось спокойно и просторно и охотиться привольно. Такимъ-то образомъ хитрая лиса, взявъ къ себѣ на хлѣбы дряхлаго, неспособнаго кота, закинутаго мужикомъ, напугала и выжила имъ изъ лѣсу всѣхъ звѣрей.

— Настоящая охотничья сказка, замѣтиль четвертый товарищъ, за которымъ теперь стояла очередь: — волки да медвѣди! А я скажу вамъ теперь побасенку про жида.

Шелъ мужикъ дорогой, и нагоняеть его еврей:

— Здравствуй, мужичекъ!

— Здорово!

— А куда ты идешь?

— Иду впередъ, видишь.

— Ну и я туда иду, такъ пойдемъ вмѣстѣ, покуда по пути.

— Пойдемъ.

Пошли стороной, подлѣ дороги, и дошли до канавки. Еврей перескочилъ, у него изъ-за пазухи и выпалъ кошелекъ съ деньгами, а мужикъ подхватилъ его скоро да и самъ перескочилъ. Жидъ тотчасъ спохватился и просить мужика:

— Ну, ты хорошій человѣкъ, это все я знаю, однако, пожалуйста, отай мнѣ кошелекъ.

— Какой?

— Да ты поднялъ его, я видѣлъ.

— Нѣтъ, врешь.

— Ну дай же, я тебя объищу.
— Нѣтъ, не дамъ.
— Ну такъ полно шутить, отдай деньги.
— Я тебѣ говорю, что денегъ твоихъ не бралъ и не видаль.

Жидъ долго усовѣщивалъ мужика и наконецъ просилъ воротиться опять на то мѣсто, гдѣ онъ обронилъ деньги. Тутъ онъ, стараясь напомнить мужику какъ что было, показалъ ему на дѣлѣ: какъ онъ шель впереди, какъ дошелъ до канавы, какъ собралъ полы халата въ руки, перескочилъ, деньги выпали, — потомъ заставилъ мужика прыгать, требуя, чтобы онъ показалъ, какъ онъ нагнулся и подняль деньги; но мужикъ отказался, говорить:

— Я денегъ твоихъ не видаль и примѣра такого не бывалаго показывать не хочу.

— Коли такъ, говорить жидъ: — то пойдемъ къ пану; пусть онъ нась разсудить.

— Пожалуй, пойдемъ.

Идуть и все дорогою спорятъ. Вотъ жидъ и спрашиваетъ:

— Ну, добрый человѣкъ, скажи жь мнѣ правду, когда будемъ мы передъ паномъ стоять, что ты будешь говорить?

— А извѣстно, все то же, что денегъ твоихъ не видаль.

— Нѣтъ, сердце мое, ты говори такъ, какъ я буду говорить.

— А ты какъ будешь говорить?

— А вотъ какъ, говори ты за мною: шли мы двохъ по дорогѣ.

— Шли мы двохъ по дорогѣ.

— Дошли мы двохъ до канавы.

— Ну, дошли мы двохъ до канавы.

— Я черезъ канаву скокъ.

— Я черезъ канаву скокъ.

— Кошелекъ съ деньгами въ канаву покъ.

— Кошелекъ съ деньгами въ канаву покъ.

— А ты хапъ!

— А ты хапъ!

— Нѣтъ, постой, сердце, спохватился жидъ: — не такъ — ты говори: а я хапъ!

— Да коли ты самъ признаешься, что ты хапнуль его, сказалъ мужикъ: — такъ намъ и толковать больше съ тобой не о чёмъ.

— Нѣтъ, сердце мое, добрый ты человѣкъ, вотъ на, я тебѣ дамъ на чарочку пятакъ, только говори по правдѣ: когда я скажу: ты, то ты говори: я; а коли я скажу: я, то ты говори: ты.

— Я и то такъ говорю: ты говоришь, что я поднялъ кошелекъ, а я говорю, что ты.

— Нѣтъ, полно шутить, говори же такъ, на себя.

Мужикъ взялъ пятакъ и переговорилъ слѣдомъ за евреемъ все, какъ тому хотѣлось; тогда еврей успокоился, повторилъ дорогой еще разъ урокъ этотъ и просилъ только, чтобы мужикъ не забылъ этого и также точно говорилъ передъ паномъ. Идутъ дальше, и жидъ все тоже опять твердить мужику, а какъ этотъ только заупрямится и не хочетъ говорить по немъ, то жидъ ему даетъ пятакъ; такимъ образомъ, покуда дошли они до пана, онъ ему передавалъ до десяти пятаковъ и былъ доволенъ, что глупый мужикъ затвердилъ

наконецъ урокъ свой и говориль за жидомъ ни въ чемъ не сбиваясь.

Приходять къ пану, начали судиться. Мужикъ отпирается, говорить только, что денегъ жидовскихъ не видаль: это была правда, потому что онъ были въ кошелькѣ, и онъ, точно, ихъ не видаль, а видѣль и подняль съ деньгами кошелекъ. Жидъ говоритъ:

— Пане вельмозный! какъ шли мы до вашей мосьци, то онъ мнѣ самъ признавался. Вотъ пусть паночекъ позволить, я самъ стану спрашивать его: онъ добрый человѣкъ, все скажеть: а вы только слушайте. Ну, говори, сердце, за мною, какъ говориль дорогой: шли мы по дорогѣ, дошли мы до канавы, я черезъ канаву скокъ, кошелекъ съ деньгами покъ, а ты хапъ!

— Нѣть, я денегъ твоихъ и не видаль.

— Вотъ видишь, какой же ты невѣрный человѣкъ: передъ паномъ не хочешь такъ говорить, какъ говориль дорогой.... Позвольте, паночекъ, я съ нимъ выду въ

сѣни, потолкую: онъ, глупый человѣкъ, забылъ какъ говорилъ прежде.

Вышли, а панъ сталъ въ дверяхъ и слушаетъ, что они будуть говорить. Жидъ сталъ попрекать мужика, зачѣмъ онъ его обманулы.

— Я тебѣ дорогою передаваль сколько пятаковъ, чтобы ты помниль хорошенько, какъ надо говорить, а ты опять свое. За что же я тебѣ даваль деньги? На возьми, вотъ тебѣ еще, только, смотри, говори за мною вѣрно, хорошенько, какъ я тебя училь, да также говори передъ паномъ.....

Услышавъ это, панъ вдругъ растворилъ дверь, прибиль жида за то, что учить глупаго мужика на себя самого наговаривать напраслину, и выгналъ ихъ обоихъ вонъ.

Пятый товарищъ, полевой атаманъ, который также бываль въ Литвѣ, взялся разсказать небыль о евреѣ на соснѣ и о зайцахъ.

Въ одномъ мѣстечкѣ было набито биткомъ столько жидовъ, что они ужъ, какъ говорится, сѣли другъ на друга, и не

было имъ одному отъ другаго житья: проѣзжаго бывало, чуть не разорвутъ на клочки, потому что всѣ голодны, каждому надо поживиться; на базарѣ, коли что дешево, съ бою беруть, другъ передъ другомъ, такъ что бѣдному мужику страшно подступиться — разорвутъ, какъ собаки, и не будешь знать послѣ, на комъ искать. Вотъ одному еврею понадобилось купить кое-что, онъ и поѣхалъ на торгъ въ ближнее селеніе, надѣясь тамъ достать что нужно, подешевле. Пріѣхалъ, закупилъ соли, масла, свѣчей, нитокъ, иголокъ, наперстковъ и отправился вечеромъ домой; а пора была осенняя и ночи темныя. Между тѣмъ, стала онъ заботиться, что долго промышкалъ и домашніе его будутъ по немъ беспокоиться; стала онъ такжешибко побаиваться самъ, чтобы въ лѣсу чего съ нимъ не случилось; гналь клячу свою и чуть не загналъ ее вовсе, потому что дороги были плохія, а возъ тяжелый, да еще къ тому онъ заѣхалъ ночью на такую раздорожицу, которой не могъ признать впотьмахъ и не зналъ кудаѣхать; лошадь

же онъ замучилъ и задергалъ такъ, что и она сбилась, тогда какъ сама, вѣрно, дошла бы хорошо. Думалъ онъ, думалъ, бился, бился, а пришлось одному ночевать въ непогодь въ лѣсу. Вотъ онъ слѣзъ съ воза, выпрягъ и привязалъ лошадь, давъ ей корму, а самъ разсудилъ, что ему ночевать у воза опасно: коли недобрые люди набѣгутъ, то убьютъ непремѣнно, ни за грошъ; поэтому онъ повозку и лошадь покинулъ, выбралъ въ сторонѣ такую сосну, на которую бы можно было взлѣзть, и, ободравшись весь, взобрался подъ самый вершокъ сосны этой и сидить, радуясь безопасному притону своему, а самъ все смотрить внизъ, на повозку и лошадь, что-то тамъ дѣлается; но темь стоитъ такая, что не видать ни зги, и путникъ отдался на волю Божью.

Вдругъ еврей слышитъ вдали протяжный крикъ, будто кто въ лѣсу аукается, и крикъ этотъ приближается къ нему съ разныхъ сторонъ. Сперва было онъ очень испугался, думая, что это непремѣнно какая нибудь шайка воровская, вышедшая его искать; но

когда крикъ приблизился, то бѣдный жидъ, дрожа отъ страха, вдругъ узналь, какъ ему показалось, голоса своихъ любезныхъ дѣтей: «такъ и есть — говориль онъ — такъ и есть, они, бѣдненьkie, захлопотались безъ меня, что я больно промѣшкалъ, и теперь, видно, Сузька моя вывела ихъ всѣхъ въ лѣсъ меня искать; точно такъ, я слышу, это голосокъ моего маленькаго Шмуля, а это моя Хаичка....» Здѣсь, здѣсь, началъ еврей подавать голосъ, надсѣдаясь; а тѣ продолжаютъ себѣ кричать, то приближаясь, то опять удаляясь, будто его и не слышать. Еврей выходить изъ себя, во все горло кричить и аукаеть, не постигая, отчего вся семья его оглохла; а, между тѣмъ, это перекликались зайцы, зычно покрикивая человѣческимъ голосомъ, чего еврей мой дотолѣ отъ роду не слыхалъ; и чѣмъ поперемѣнно зайцы то подѣгали ближе, то дальше, тѣмъ онъ больше выходилъ изъ себя, кричаль во все горло, что онъ здѣсь; то спускался въ полдерева, то опять подымался, опасаясь слѣзть вовсе и стараясь разсмотретьъ что нибудь

впотьмахъ. Онъ дотого докричался и добѣсился, ругая домашнихъ своихъ, которые ходятъ вокругъ, а на крикъ его не отзываются, что со свѣтомъ слѣзъ съ дерева промокшій, ободранный, осиплый, усталый и совсѣмъ больной; онъ рѣшительно выбился изъ силъ. Къ разсвѣту, само собою разумѣется, вся семья его исчезла, и онъ опять остался въ лѣсу одинъ.

Впрягши лошадь, онъ все еще не могъ опознаться и долго плуталъ по лѣсу, покуда наконецъ встрѣчный крестьянинъ не указалъ ему дороги. Пріѣхавъ домой и позвавъ всѣхъ, чтобы переносить въ корчму покупки, онъ грозно на нихъ напустился: «какіе вы, говорить, дураки, вышли меня искать — ну, и спасибо вамъ за это — такъ зачѣмъ же вы не слушали моего голоса? я вамъ отвѣчалъ, кричалъ, кричалъ — вотъ, совсѣмъ охрипъ и говорить даже не могу, и грудь болитъ. Теперь лишній расходъ: надо пить шалфей!»

Домашніе всѣ смотрѣть на него, какъ на шальнаго, и наконецъ уже, когда сошлись

также сторонніе и еврей показаль, какъ именно жена и дѣтки его кричали, дѣло объяснилось и тогда его засмѣяли, такъ что онъ сидѣлъ дома съ недѣлю, пиль шалфей и никуда не смѣль показать глазъ. Долго еще дразнили и сердили его, спрашивая: «а что, каково поживаются твои дѣти въ лѣсу?»

— Хороша твоя сказка, сказалъ одинъ изъ товарищѣй: — теперь кругъ обошелъ всѣхъ; а, между тѣмъ, все—таки еще одинъ собесѣдникъ остался и за нимъ сказка: — что ты чужому смѣху смѣешься, сказалъ онъ, обратясь къ хозяину избы, который подошелъ впродолженіе разсказовъ, присѣль и слушалъ. — А ты найди свой да и смѣйся. Ну, говори что нибудь, — мы слушаемъ.

Хозяинъ пожался и почесался немного, отговариваясь незнаніемъ сказокъ и былей, но потомъ сказалъ:

— Вѣдь у нась хорошихъ сказокъ нѣть: простыя все, мужицкія; вотъ, напримѣръ, какъ портной съ волка мѣрку сымалъ. Коли не осудите, такъ, пожалуй, такую разсказать можно.

— Говори. Какая есть, такую подавай!

— Портной, который ходилъ по деревнямъ и обшивалъ людей, пошелъ куда ему надо было, въ сосѣднюю деревню, и въ лѣсу встрѣтилъ волка. Для портнаго это дѣло непривычное и страшное, а, потому, когда волкъ сказалъ ему: теперь ложись, я тебя съемъ, то бѣднякъ сталъ отмаливаться; а когда волкъ не прощалъ его и хотѣлъ было ужъ начать, безъ всяко го милосердія, не позволяя ему даже напередъ Богу помолиться и проститься съ родными, то портной сталъ увѣрять, что ему мѣста не будетъ въ волчьей требушинѣ, заспорилъ обѣ этомъ съ волкомъ и выпросилъ себѣ одну милость: чтобы волкъ позволилъ снять съ себя мѣрку, можно ли будетъ портному въ немъ помѣститься.

— Ну, мѣряй, сказалъ волкъ: — да поскорѣй!

Портной выхватилъ изъ кармана мѣрку, прикинуль на волка, а самъ, протянувъ руку къ заду, вдругъ замоталъ себѣ волчій хвостъ на руку да, доставъ изъ-за пазухи утюгъ, давай волка утюжить. Тотъ рвался

долго, но не могъ вырваться, и видить, что смерть его пришла.

— Постой, говорить, помилуй: — и я у тебя одной милости прошу: возьми хвостъ мой, коли онъ тебѣ нуженъ, да ужъ меня— то отпусти. Я не трону тебя, убѣгу.

Портной досталъ ножницы, отстригъ волку хвостъ по самую рѣпицу и говорить:

— Пошелъ, на всѣ четыре стороны!

Такъ портной сняль мѣрку съ волка, проутюжилъ его и откроилъ ему хвостъ.

Волкъ побѣжалъ, но вскорѣ страшно завыль и собралъ вокругъ себя сходку. Пришло волковъ болѣе десятка. Когда онъ рассказалъ имъ, что портной сдѣлалъ надъ нимъ, какъ обманулъ его и опозорилъ, то они рѣшили изорвать и съѣсть этого портнаго и стали его догонять и окружать. Видя такую новую бѣду, портной взлѣзъ на ель, сидѣть и глядѣть на волковъ и не знать, что дѣлать. Волки же, посовѣтовавшись между собой, сказали: «Давай доставать его. Становись ты, куцый, первый, а мы по одному горкой на тебя, такъ и доберемся до него.»

Портной глядить — подмостились они и полѣзли, одинъ на другаго, и ужъ близко—близко къ нему подбираются. Вотъ онъ, испугавшись, не зная что дѣлать, глянуль внизъ и говорить: «Ну, лѣзьте, лѣзьте; а ужъ никому такъ не достанется, какъ куцому!»

Куцый, какъ только услышалъ это, выскочилъ изъ—подъ низу, и вся горка разсыпалась и половина волковъ перебилась, прочие разбѣжались, а портной благополучно ушелъ.

— Вотъ острастка—то ину—пору и дороже побоевъ живеть, покончилъ мужикъ; а собесѣдники, посмѣясь выдумкѣ этой, вскорѣ улеглись и наутро возвратились домой.
